

Московский театр — 1994 — 5 янв.

«ЗДЕСЬ МОЙ ДОМ», —

говорит солистка оперы Екатерина Кудрявченко

«С корабля на бал» — из Великобритании в Москву, с самолета — на сцену Большого театра, в спектакль «Иоланта» попала Екатерина Кудрявченко. Правда, это не был экспромт ни для самой артистки, ни для театра, ни для зрителей: была предварительная договоренность, была афиша.

— Я считаю, что мне очень повезло, — говорит Екатерина Кудрявченко. — После перерыва в семь месяцев я вышла на сцену Большого театра в одной из самых моих любимых партий, в спектакле с участием наших замечательных мастеров — Е. Е. Нестеренко, З. Л. Соткилавы, Ю. А. Мазурок. Я была очень взволнована, когда узнала, что это юбилейный спектакль Е. Е. Нестеренко — ведь Евгений Евгеньевич меня очень поддерживал еще в консерваторские годы, я пела с ним не только Иоланту, но и Антонида. Спою, думаю, спектакль, а он мне скажет: «Что это Вы, Катя, вдруг стали так плохо петь?». Но, к счастью, ничего подобного не произошло. По-моему, это был удачный спектакль, и публика тепло приняла его.

— Не кажется ли Вам, что зрители в этот вечер вели себя, скажем, несколько сдержанно? Отличается наша публика от английской?

— Я бы сказала, что английская публика более сдержанна, может быть, более чопорна и сдержанность для нее является одним из проявлений воспитанности. Но если ей что-то понастоящему нравится, если артистам, музыкантам удастся «расстопить» эту чопорность, — публика не скрывает своих эмоций и не жалеет ладоней. Наша, московская — публика в последнее время изменилась, как мне кажется. Замкнутые, озабоченные лица, которые я вижу на улицах, в транспорте — они же и в зрительном зале. Очень трудная, полная забот жизнь, люди не в состоянии о них забыть. И они в этом не виноваты.

— Расскажите, что Вы успели за время, пока Вас не было в Москве, то есть, за семь месяцев?

— Из них надо вычесть лето — театральный отпуск, так что это немного меньше семи месяцев. В это время я очень интересно работала в Шотландской опере в Глазго. Подготовила и спела совсем новую для меня роль — Лукрецию — в ранней опере Дж. Верди «Два Фоскари». Спектакль имел большой успех, мы побывали с ним во многих городах Великобритании, запись, осуществленная третьим каналом Би-би-си, передавалась на европейские страны. Подготовила партию Лиу в «Турандот».

Совершенно неожиданно, экспромтом я выступила на сцене театра «Ковент-Гарден» в опере «Мадам Баттерфляй» Дж. Пуччини.

— Раньше Вы пели на этой сцене?

— Нет, только мечтала. А здесь помог Его Величество — Случай. В 1 час дня мне позвонили домой и спросили, готова ли я вечером подстраховать английскую певицу Диану Совьера, которая поет сегодня Чио-Чио-сан? Я была в некотором замешательстве — спектакль я не знаю, оперу эту пела больше года назад, с тех пор не повторяла.

Что же делать? Я согласилась — подобное предложение вряд ли повторится. Положила трубку и думаю: авантюра чистой воды, до отъезда в театр всего 4 часа. Но открыла клавиру,

поняла, что почти все помню, повторила то, что подзабыла, и с надеждой, что Диана Совьера сама споет спектакль, отправилась в театр. Сажу в ложе, слушаю. Первый акт закончился, начался второй — ну, думаю, пронесло. И вдруг сзади подходит кто-то из администрации театра и тихонечко шепчет:

— Катя, пройдите, пожалуйста, на сцену!

— Как, прямо сейчас, во время действия? А костюм?

— Идите так. Выходите на сцену, останавливаетесь лицом к дирижеру и продолжаете петь за Совьеру — она не может, а занавес закрывать нельзя...

И я выхожу на сцену, в чем была — юбка, блузка, жакет. И... вступаю; едва Совьера допевает фразу и заметив выражение ужаса на лице ничего не понимающего дирижера Карло Ригци. Не помню, как проходит вторая ария Мадам Баттерфляй, дирижер посылает мне с пульта воздушные поцелуи, мы уже работаем в контакте, пою дуэт с Сузукки, благополучно заканчивается второй акт.

Перед занавесом выходит представитель администрации, извиняется перед публикой и объявляет, что Совьера внезапно заболела, что допевает спектакль молодая певица Катя Кудрявченко, лауреат премии «Мадам Баттерфляй». Публика очень тепло приветствует меня и с этим настроением я вышла петь третий акт — тоже в своем костюме, никаких мизансцен. После окончания спектакля быстро ухожу со сцены, а мне говорят:

— Катя, а поклонны? Это — неуважение к публике! — Вы же спели полоспектакля.

— Я же выручила, и все. Мне неудобно выходить кланяться, к тому же я без костюма...

Но когда меня вывели перед занавесом, публика встала и устроила мне такую овацию, что я испытала ни с чем не сравнимое смешанное чувство радости, гордости от сознания, что сумела собраться в этих чрезвычайных условиях.

— Вы и сейчас, после спектакля, рассматриваете свое согласие на страховку как авантюру?

— В какой-то мере. Я ведь не привыкла к подобным ситуациям и не готова к ним. В Большом театре мы всегда заранее знаем, в каком спектакле и кого страхуем, поэтому я успеваю повторить партию, да и спектакли свои я знаю. А тут — можешь, умеешь, профессионально готова, способна собраться и мобилизоваться — пой, нет — не надо. Сегодня жизнь диктует артистам совсем другие условия работы. Если вы хотите чего-то добиться, что-то успеть, нельзя тратить время на раскачку, надо учиться работать так, как это делает весь мир — помнить, что все зависит от тебя и случай не любит ленивых.

— Расскажите, пожалуйста, о своих творческих планах.

— Из Москвы я лечу в Данию, в Копенгаген, где буду петь Ми-ми в «Богеме» Дж. Пуччини. Эту партию я уже исполняла в Шотландской опере. Ближайшая новая работа — Леонора в «Трубадуре» Дж. Верди. Шотландская опера заинтересована в нашем сотрудничестве, предложила мне выбрать какой-то новый спектакль. Я сказала, что хотела бы спеть одну из опер Моцарта. У театра есть желание поставить какую-то русскую оперу.

— А как складываются Ваши отношения с Большим театром?

— Руководство театра во многом изменило свое отношение к

солистам, высказывающим желание чередовать выступления в Большом театре и за рубежом. Я почувствовала заинтересованность в моем участии в работе театра и очень обрадовалась. Помимо репертуара, который я исполняла раньше, я могла бы спеть Леонору в «Трубадуре». Мечтаю спеть Лиу в «Турандот». Так что, надеюсь, я теперь часто буду петь в Москве.

— Я знаю, что одной из причин Вашего отъезда из Москвы была невозможность решить жилищную проблему. Произошли какие-нибудь изменения?

— Действительно, жить с двумя детьми в общежитии мы с Пашей больше не могли. Сейчас завершается строительство кооперативного дома, и уже в 94-м году, я надеюсь, мы сможем въехать в свою новую квартиру. В Лондоне мы купили небольшой двухэтажный дом. Действительно, небольшой: внизу — холл и кухня, наверху — три комнаты: по одной у детей — Даша и Мити, одна — наша с мужем. Дети учатся. Нам грех жаловаться — у меня много интересных предложений, Паша (тенор Павел Кудрявченко — Ред.) недавно очень успешно спел Канию в «Паяцах», Каварадосси в «Тоске». Казалось бы, все в порядке. Но! Мы очень тоскуем по Родине и не представляем себя вне ее. Как бы что ни складывалось, там — мы чужие, и Великобритания для нас — чужая страна. Мой дом здесь, и я хочу жить дома, у себя на Родине, работать в Большом театре и иметь возможность выезжать на гастроли за рубеж. К этому же стремится Паша. Мне кажется, что в той обстановке, которая складывается сегодня в театре, это вполне реально. Поэтому надеюсь, что скоро вновь выйду на сцену Большого театра.

Интервью подготовила
С. БЕНЦИАНОВА.

299